

УДК 929 Грушевский+Вернадский (044.2)

**«У НАС ЗАВЯЗАЛАСЬ СВЯЗЬ НАДОЛГО...»
(Из переписки М.С. Грушевского с В.И. Вернадским)**

В. И. Вернадский и М. С. Грушевский – две яркие личности, оставившие глубокий след в национальном самопознании Украины. Их заочное знакомство состоялось еще в конце XIX века. «С Грушевским, - вспоминал Вернадский, - связаны мои молодые переживания. Я даже думал одно время, что он старше меня – он раньше стал ярким деятелем. Молодым я следил за Науковым товариществом имени Шевченко и вел цензурную борьбу, чтобы получать их издания»¹. Затем последовала общественно-политическая работа М. С. Грушевского в Государственной Думе, а В. И. Вернадского в Государственном Совете по значительному расширению прав украинского народа в разных сферах его жизни². В 1914 г. состоялась их личная встреча. В письме от 30 марта В. И. Вернадский писал жене: «Не помню, писал ли тебе, что у меня был целый вечер М. С. Грушевский. Мы с ним очень много и хорошо говорили, и я надеюсь, что у нас завязалась связь надолго...»³.

Встреча ученых состоялась 27 марта на питерской квартире В. И. Вернадского. К этому времени М. С. Грушевский был не только оригинальным ученым-историком, но и его исторические взгляды постепенно становились общей идеологической базой развивающегося со второй половины XIX века украинского

¹ *Цит. по:* Вибрани наукові праці академіка В. І. Вернадського. Т. 1. Володимир Іванович Вернадський і Україна. Кн. 1 Науково-організаційна діяльність (1918–1921). – К., 2011. – С. 652.

² Подробнее см.: *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М., 2003.

³ *АРАН.* Ф. 518. Оп. 7. Д. 58. Л. 5.

национального движения. Распространение этих взглядов вызывало беспокойство у властей, как из соображений территориальной целостности самой Империи, так и с точки зрения угрозы существовавшему общественно-политическому порядку в стране. В поле зрения Департамента полиции Министерства внутренних дел России ученый попал еще в 1884 г.⁴, а всего он упоминается более в 170 полицейских делах⁵. В 1910 г. был изобретен специальный термин – «мазепинское движение»⁶. В июле 1914 г. все тот же Департамент полиции признал Грушевского «одним из главных вождей мазепинского движения» и рекомендовал генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову⁷ рассмотреть вопрос о «необходимой административной высылке его из пределов Юго-Западного края»⁸.

Генерал-губернатор не торопился с ответом и только события, связанные с началом Первой Мировой войны, особенно после занятия русскими войсками Галиции (2 сентября), окончательно определили дальнейшую судьбу Грушевского. В сентябре Ф. Ф. Трепов направляет в Департамент полиции сообщение о том, что он сделал «распоряжение об аресте и высылке профессора Грушевского в случае приезда в Киев»⁹.

М. С. Грушевский появился в Киеве 23 ноября 1914 г., а 28 ноября был арестован и помещен в Лукьяновскую тюрьму¹⁰.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. III делопроизводство. 1884 г. Д. 982.

⁵ Там же. Картотека.

⁶ См.: Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистко-революционного течения среди населения Малороссии // «Украинская» болезнь русской нации. – М., 2004. – С. 105-174.

⁷ Трепов Федор Федорович (1854–1938) – российский государственный деятель. В 1908–1914 – киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. После революции находился в эмиграции.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. V делопроизводство. Оп. 150. 1914 г. Д. 408. Л. 7 об.

⁹ Там же. Л. 48 об.

¹⁰ Более подробно см.: М. Щербак, Н. Щербак. М. Грушевський і жандарми: вчений і система // Михайло Грушевський – науковец і політик у контексті і сучасності. – К., 2002. С. 74-80.

Первоначально Грушевский должен был отправлен в Томск, но после ряда заступнических писем был направлен 19 февраля 1915 г. в Симбирск¹¹. 5 апреля 1915 г. Грушевский по совету своего брата¹² обратился с письмом к президенту Академии наук¹³ с просьбой об отмене «надзорного» режима¹⁴. Ссылка не была отменена, однако Грушевского в конце сентября перевели в один из университетских центров страны – Казань¹⁵. 15 декабря группа известных ученых во главе с В. И. Вернадским обратилась в Министерство внутренних дел, после отказа этим ведомством депутату Государственной Думы С. А. Иванову¹⁶, который обратился с аналогичной просьбой, в праве разрешения проживания М. С. Грушевскому в Москве¹⁷. Мотивируя свое прошение, ученые, в частности, писали: «Смеем думать, что удовлетворение нашего ходатайства может

---

¹¹ В письме к академику А.А. Шахматову от 17 февраля 1915 г. Грушевский сообщал из Киева: «Послезавтра отправляют меня в Симбирск, в сопровождении городского». (*«Я никогда не выступал против России»* М. С. Грушевский и русские ученые. 1914–1916 гг. // Исторический архив. – 1997. – № 4. – С. 181.).

¹² Александр Сергеевич Грушевский (1877–1943) – филолог и историк, брат М. С. Грушевского. Репрессирован.

¹³ Константин Константинович Романов (1858–1915) – великий князь, президент СПб АН (1889–1915), почетный академик (1900).

¹⁴ *СПФ АРАН*. Ф.6. Оп. 1 Д. 38. Л. 25–30. На письме отметка К. Р. о получении: 7 апр. 1915.

¹⁵ М. С. Грушевский еще 13 мая 1915 г. сообщил А.А. Лаппо-Данилевскому, что ему «разрешили переехать в Казань». (*Ссылка М. С. Грушевского // Минувшее*. – 1998. – Т. 23. – С. 248.).

¹⁶ Сергей Александрович Иванов (1856–1930) – медик, профессор Харьковского ветеринарного института, Киевского политехнического института, депутат IV Государственной Думы от г. Киева. Член кадетской партии. После 1918 г. жил в Киеве, преподавал в вузах.

¹⁷ 25 августа 1915 г. директор Департамента полиции В. А. Брюн де Сент-Ипполит отвечал на запрос С. А. Иванова: «Вследствие принимаемого Вами участия в судьбе <...> Грушевского, не признал возможным разрешить названному лицу перейти под надзор полиции в г. Москву». (*ГАРФ*. Ф. 102. V делопроизводство. Оп. 150. 1914. Д. 408. Л. 53.).

оказать благоприятное влияние на успокоение тех кругов малорусского населения, которые в той или иной степени захвачены национально-просветительным движением»¹⁸. Именно в этот период и завязалась переписка между М. С. Грушевским и В. И. Вернадским. После долгих отказов со стороны силового ведомства Грушевскому все-таки разрешили переехать в Москву, куда он прибыл в сентябре 1915 г. и оставался там до известных февральских революционных событий 1917 г.

В дальнейшем судьба ученых сведет сначала их в Киеве, где в 1918 г. развернется работа по созданию Украинской Академии наук¹⁹, а затем они неоднократно будут встречаться в Ленинграде, куда М. С. Грушевский приезжал на сессии АН СССР²⁰, и в Москве, где ученый проведет последние годы жизни, в своего рода «почетной ссылке». В 1926 г. в Киеве широко отмечался юбилей М. С. Грушевского. В. И. Вернадский направил юбиляру приветствие: «Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич! Очень жалею, что мои обязанности как председателя Всесоюзного съезда геологов²¹, не позволяют мне быть завтра на Вашем юбилее и лично Вас приветствовать²². Позвольте мне выразить в этом письме чувства моего глубокого почтения к Вашей долголетней научной деятельности. Вы, историки, обладаете счастливой особенностью, что Ваши работы доступны широким кругам, и я с молодости привык следить за Вашей работой и с ней считаться. От души желаю

---

¹⁸ См.: Защита Грушевского со стороны некоторых представителей науки // Справка Департамента полиции, составленная подполковником Ф. С. Рыжанковым 3 марта 1916 г. (ГАРФ. Ф. 102. V делопроизводство. Оп. 150. Д. 408. Л. 62-66.).

¹⁹ См.: Основні етапи розвитку української академічної науки // Національна Академія наук України. 1918–2008. До 90-річчя від дня заснування / голов. редактор Б. Є. Патон. – К., 2008. – С. 10-32.

²⁰ В 1929 г. М. С. Грушевский был избран академиком АН СССР.

²¹ В Киеве с 30 сентября по 6 октября 1926 г. проходил II-й Всесоюзный съезд геологов, где В.И. Вернадский председательствовал.

²² Юбилей отмечался 3 октября 1926 г.

Вам долголетнего, столь же энергичного и плодотворного служения научной истине, которая одна как для историка, так и для натуралиста. Желаю Вам великого счастья довести до конца дело Вашей жизни – Историю Украины – Руси. С совершенным уважением и таковой же преданностью. В. И. Вернадский»²³.

О последних своих встречах с М. С. Грушевским В. И. Вернадский чуть позже вспоминал: «Это было время, когда Грушевский, чувствуя тяжесть положения, искал опоры <...> Я видел последний раз Грушевского в 1932 г. Летом перед моей последней поездкой за границу, он уже в Москве, не имел права выехать в Киев <...> Я к нему заехал, желая выяснить, что делается на Украине <...> Я считал и считаю, что Грушевский сделал огромное дело для возрождения украинского народа и в то же время является одним из крупнейших славянских историков»²⁴.

Письма М. С. Грушевского к В. И. Вернадскому хранятся в Архиве Академии наук в Москве (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45.). Всего 12 писем – конец 1915 г. – начало 1917 г. Судьбу писем В. И. Вернадского 1915-1917 гг. выяснить не удалось. Возможно, они погибли во время пожара после артобстрела дома Грушевских в Киеве (на углу улиц Паньковской и Никольско-Ботанической) большевистскими частями в январе 1918 г. М. С. Грушевский по этому поводу писал: «25 января, во время бомбардировки Киева, большевики зажигательными снарядами расстреляли дом, где я жил – наш фамильный дом, построенный десять лет назад на деньги, оставленные отцом. Несколько зажигательных зарядов, которые влетели один за другим в наше жилище и в соседние, за несколько минут превратили в одно пожарище весь дом. Сгорели мои рукописи и материалы, библиотека и переписка, коллекции украинской

---

²³ Ювілей академіка М. С. Грушевського. 1866–1926. Ч. I. Ювілейні засідання. II. Привітання. – К., 1927. – С. 86.

²⁴ «Грушевский сделал огромное дело для возрождения украинского народа...» / публикация В. П. Волкова // Исторической архив. – 1997. – № 4. – С. 202-203.

старинны, которые я собирал столько лет, собрание ковров, вышиванок, оружия, посуды, фарфора, фаянса, украшений, мебели, рисунков...»²⁵

В настоящем сборнике публикуются только два письма М. С. Грушевского и два письма В. И. Вернадского. Перед каждым письмом помещены число, месяц, год и место написания. Элементы, отсутствующие в письмах и установленные публикатором, даются в квадратных скобках и специально не оговариваются. Все даты приводятся по старому стилю. Сокращения раскрыты и отмечены квадратными скобками. Слова, вставленные в текст публикатором, – в угловых скобках. Стилистические особенности написания, а также перевод иностранных слов на русский язык помещены в подстрочные примечания и отмечены астерисками. Комментарии к письмам отмечены в тексте арабскими цифрами и помещены в конце писем.

Публикацию подготовил В. В. Лавров

М. С. Грушевский — В. И. Вернадскому
[Конец 1915 г.]*, Казань

Казань, Б[ольшая] Суконная, № 29¹

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Из Петрограда писали мне, что Вы предприняли хождение по министрам относительно моего освобождения². Подробностей не знаю, не знаю даже точно, о каких именно министерствах или министерстве идет речь; называли как будто министра народ[ного] просвещения, чему я, правду сказать, не решился поверить, потому что обращение к нему уже имело место в начале года, было безрезультатно, и теперь еще меньше можно бы надеяться от него какого-либо энергического вмешательства

---

²⁵ Грушевський М. С. На порозі Нової України [передм. І. Р. Юхновського. – репринт. відтвор. Вид. К., 1918] – К., 1991. – С. 5-6.

в эти дела и каких-либо последствий от такого вмешательства. Дело, вероятно, в руках министра внутренних дел, еще вероятнее, может быть, его товарища, заведующего департаментом полиции; не знаю, насколько причастна военная власть. Вообще истинное происхождение моей аферы остается для меня все еще неясным: была ли это со стороны киевской администрации уступка ненависти, которые питали ко мне киевские националисты (в том числе и «покаявшиеся» ныне Савенко³ и К^о), или инициатива вышла от галицкого генерал-губернатора, действовавшего под влиянием львовских москвофилов, или даже (как некоторые усматривают) галицких поляков, тоже старавшихся использовать нынешнюю войну, чтобы подорвать украинское движение в Галиции. Может быть, попутно это Вам удастся тоже выяснить, и станет ясно, в какую сторону направить старания для разоблачения и ликвидации этого инцидента. Ведь он был не только тяжелой и ничем <не> заслуженной несправедливостью по отношению ко мне; моя деятельность была явно известна и не имела в себе ничего законопреступного – на допросах я убедился, что охрана не имела никаких указаний на какие-либо законопреступные действия – ничего кроме украинофобских настроений против меня, и забранные у меня бумаги могли только подтвердить мою непричастность к каким-либо противогосуд[арственным] действиям, а между тем меня выдержали в тюрьме, забрали мои бумаги (и по сей час), выслали, расстроили мои научные занятия, разорили материально, выслав из Киева, когда дела мои по изданиям и другим предприятиям требовали (и сейчас требуют) моего присутствия там и в других местностях, где были у меня сношения по изданиям и куда приходится передвигать их теперь из Киева; я и семья моя расстроили свое здоровье в этих скитаниях и находимся в весьма затруднительном положении⁴. Но кроме этого преследование меня (и тех людей, которые подверглись высылкам, потому что их сочли людьми мне близкими) является величайшей глупостью с политической точки зрения. Оно как-будто на то и создано, чтобы поддержать «политику отчаяния», внушаемую украинцам врагами России – убедить в том, что с Россией у украинцев не может установиться никакого *modus vivendi***⁵, что тут для них нет ничего, кроме непримиримого преследования, – до полного уничтожения, и возможность национ[альной] жизни украинцам может обеспечить

только Австро-Германия. Меня в последние годы систематически выживали из Галиции с австрофильской стороны, потому что я считался наиболее влиятельным противником австрофильского курса, ставившего своею задачею снискать доверие австр[ийского] правительства какою бы то ни было ценою; журнал «Літературно-Науковий Вістник»⁵ считался органом этого антиавстрофильского направления, накануне войны [затевалась] в этом же направлении и газета, приготовлены и набраны были статьи, но издание было отложено до осени; но и в «Літ[ературно]-Наук[овому] Вістнике» это оппозиционное антиавстрофильское направление отражалось довольно определенно: не считая возможным связывать разрешение украин[ского] вопроса в целом с политикой Австрии, дорожа тесными связями Галиции с Рос[сийской] Украиной, возлагающей свои надежды на разрешение укр[аинского] вопроса в рамках российской государственности, в условиях конституцион[ной] жизни России, оно восставало против русофобства и всяких австро-и германофильских выходов⁶. Чистою ирониею судьбы является, что этому кружку вместе со мною пришлось подвергнуться преследованиям и карам именно со стороны русского правительства – и сейчас эти люди томятся в ссылке⁷.

То же самое нужно сказать и о продолжающихся цензурных гонениях. Из газетных отчетов я узнал, что моя статья в «Речи» об украинс[кой] школе skonфискована военной цензурой⁸. А она, между тем, являлась, так сказать, призывом к примирению, к забвению национальной распри ценою элементарнейшей и необходимейшей уступки – введения преподавания на украинском языке в народной школе. Кому служит такая непримиримость, когда отклоняется протянутая с украинской стороны рука, с готовностью помириться на такой небольшой уступке, лишь бы служила она принципиальным залогом признания украинской жизни, готовности уживаться с нею?!...

Весьма вероятно, что я пишу вещи, так же ясные Вам, как и мне, и Вы стоите на той же точке зрения, что прекращение репрессий и примирение с украинством является в данный момент не только вопросом справедливости и гуманности, но и элементарного политического благоразумия. Я добровольно вернулся в Россию, поставив на карту свои служебные права, свое материальное благосостояние, чтобы послужить тому

национальному примирению, которое мне казалось стоящим на ближайшей очереди, чтобы мое нахождение за границей не давало повода к подозрениям по отношению к рос[сийскому] украинству. Я бесконечно благодарен Вам за то, что Вы занялись моею участью – я к этому просил бы присоединить и лиц, подвергнувшихся высылке вместе со мною (особенно меня мучит мысль о студенте Львов[ского] унив[ерситета] Лызановском⁹, высланном в Нарымский край, в Чигару Томской губ[ернии], без всякого повода. Хотя бы в какое-нибудь более удобное место его перевели).

Я буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне о содержании этих переговоров. А пока позвольте пожелать Вам сил, здоровья и всего доброго и поздравить с наступающими праздниками¹⁰.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *М. Грушевский*

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 485. Л. 18–22.

* Дата написания письма установлена по смыслу.

** Состояние отношений, которое определяется сторонами (лат.)

В. И. Вернадский – М. С. Грушевскому

30 декабря 1915 г., Петроград

Петр[оград].

30.XII. 1915

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич,

Спешу ответить на Ваше письмо, хотя многого нельзя написать в письме. Я думал Вам написать уже после большого выяснения вопроса.

Мною и моими товарищами по академической группе Государственного Совета была подана записка М[инистру] в[утренних] д[ел], подписанная всеми шестью членами Г[осударственного] С[овета] от Акад[емии] Н[аук] и универс[итетов]¹¹. В этой записке мы обращались к М[инистру] в[нутренних] д[ел] с нашей просьбой о переводе Вас в Москву, мотивируя это как лучшим московским климатом, так и теми

возможностями, которые Москва представляет для Вашей научной работы. Мы указывали в этой записке на несправедливость, по нашему убеждению, <меры>, примененной к Вам как к ученому, но и как к украинскому деятелю. Записки у меня под руками нет, и я могу здесь только по памяти восстановить ее общий смысл. Несомненно, выдвигая вперед Ваши научные заслуги, нами высоко ценимые, мы в то же время касаемся и политического значения изменения предпринятой по отношению к Вам меры. Записка была лично вручена Хв[остову]¹² одним из нас, причем мы полагали, что будет в этом смысле какой-нибудь разговор. Однако разговор был очень краток, и Х[востов] обещал нам дать ответ по наведению справок; ответа до сих пор нет. В то же время мы долго медлили с подачей записки из-за болезни Х[востова], предпочитая подать ее лично, а не послать в письме.

Не знаю, выйдет ли что из нее, но считаю, что нельзя останавливаться на этом шаге и надо добиваться дальнейшего. Я вполне сознаю, что то, чего мы просим, далеко не отвечает тому, что было бы справедливо и что бы желалось. Но приходится считаться с обстоятельствами. Для нас всех было ясно, что при существующем положении дел и по тому, что мы могли узнать, вопрос о Киеве, напр[имер], стоял совершенно безнадежно в данный момент. Но я думаю, что, добившись свободной жизни в Москве, мы бы сделали много и для дальнейшего.

Я считаю все меры, принятые по отношению к Вам, безрассудными и недопустимыми с русской государственной точки зрения, не только к Вам как к ученому, но и как к украинскому деятелю. Во всем, что Вы пишете мне об украинском вопросе, я с Вами совершенно согласен, с негодованием и ужасом слежу за безумной противогосударственной политикой русского правительства в украинском вопросе в настоящий момент. Но ведь это есть проявление общего положения дела, всей той противоречащей здравому смыслу и национальным интересам России политики Горемыкина¹³ и К^о, которая ведется по отношению к Госуд[арственной] Думе, прогрессивному блоку, рабочим, Москве, общеземскому и городскому союзам, русскому обществу и в вопросах перевозок. Разве можно себе представить что-нибудь более противоречащее интересам России? Изменение придет одновременно, и вряд ли можно сомневаться в том, что решение

украинского вопроса в России, которое вытечет из хода истории, – и, я думаю, скоро, – будет гораздо ближе к Вашим указаниям, чем к теперешней политике черной сотни.

Я хочу сделать все, что могу, для Л[изановского]¹⁴ и буду вести всякие хлопоты. Пришлите мне об нем нужные сведения. Всего лучшего. Завтра рано утром еду по академическим делам дня на три в Ф[инляндию] и сегодня не имел еще возможности уложиться. Надо кончать. Всего лучшего.

<В. Вернадский>

АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 137. Л. 2–3об. Копия, неавторизованная машинопись.

М. С. Грушевский — В. И. Вернадскому

27 октября 1916 г., [Москва]*

27. X. [1]916

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Удалось ли Вам предпринять какие-либо шаги относительно Л[изановского]. Меня очень беспокоит, что снова настает зима, а его положение остается без перемен.

Рус[ские] политич[еские] круги, по-видимому, обескуражены тем, что разрешение польского вопроса ушло от них¹⁵. Но сделать отсюда вывод о необходимости поспешить с разрешением национ[ального] вопроса в тех случаях, где это еще лежит в сфере их возможности – как, напр[имер], в вопросе украинском – до это[го] не [дошли] и руководящие политики, не говоря о правительстве. Удосужились ли Вы, Глубокоуважаемый Владимир Иванович, на задуманную Вами статью по укр[аинскому] вопросу?¹⁶

Мне недавно объявлено от полиции об учреждении надо мною гласного надзора, с обязанностью являться в участок еженедельно на проверку, и в Москве. «Юридическое положение» мое таким образом остается без перемен, лишая меня возможности

«публичных выступлений» и «общественной деятельности», «преподавания» и т. п.

Живется, впрочем, и без того отчаянно плохо. В Киеве дом стоит без призора, а тут приходится ютиться с семьей за 110 руб. в 2-х номерах без прислуги, без стола, – так что мой «кабинет» служит одновременно приемной, столовой, кухней и т[ому] под[обное].

Крепко жму Вашу руку! Преданный Вам *М. Грушевский*

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 485. Л. 14–15.

* Место написания письма установлено по содержанию.

В. И. Вернадский – М. С. Грушевскому

13 июля 1917 г., Бутова Кобыла

13. VII. [1]1917

Бутова Кобыла

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой прислать мне, если возможно, последние Ваши издания по украинскому вопросу (особ[енно] о Центральной раде и Переяславском договоре)¹⁷. Мне здесь их чрезвычайно трудно достать, а между тем мне важно – в связи с переживаемым политическим моментом – быть в курсе дела.

Простите, что беспокою Вас.*

Мой адрес: Шишаки, Миргородского уезда, Полтавской губ. Владим[иру] Ив[ановичу] Вернадскому.

Всего лучшего

Ваш *В. Вернадский*

АРАН. Ф. 518. Оп 2. Д. 43. Л. 49. Чернетка.

* Фраза написана над вычеркнутым предложением: “Мне это не будет вполне безразлично, [как бы в максимальной степени и для украинского дела]”

Комментарии

1. Точный адрес: «Казань, Суконная слобода, Большая улица, № 29».
2. 28 ноября 1914 г. М. С. Грушевского арестовали в Киеве. Как было указано в информационной записке департамента полиции – «Записке об украинском движении 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии», датированной 23 июня 1916 г.: «Арест Грушевского последовал при таких обстоятельствах. В мае 1914 года киевский отдел Союза русского народа возбудил перед господином министром внутренних дел ходатайство о воспреещении въезда в Россию профессору Львовского университета Михаилу Грушевскому и другим австрийским ученым, агитирующим в пользу «украинской самостоятельности». Вследствие этого Департамент полиции просил киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Трепова установить негласное наблюдение за деятельностью Грушевского при посещении им Киева, в результате чего генерал-губернатором Треповым и было сделано распоряжение об аресте и высылке из Киева профессора Грушевского в порядке Положения о государственной охране» (текст «Записки» см: Гермайзе Й. Матеріали до історії українського руху за світової війни // Український археографічний збірник. – К., 1926. – С. 274–354). М. С. Грушевского держали в Лукьяновской тюрьме и допрашивали. На основании телеграммы заместителя министра внутренних дел России, командующего отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковского, профессору определили ссылку в Симбирск, куда он прибыл 22 февраля 1915 г. в сопровождении городского киевской городской полиции. За ним поехала и семья. (См.: Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М. С. Грушевського. – К., 1992. – С. 366). В постановлении Главного начальника Киевского военного округа указывалось: «професора <...> Грушевского как пропагандиста украинского сепаратизма и видного деятеля украинской национально-демократической партии выслать в г. Симбирск на время состояния местностей, из коих он выслан, на военном положении <...>» (ГАРФ. Ф.102.V делопроизводство, Оп. 150. 1914 г., Д. 408. Л. 18–19). С момента высылки из Киева в переписке с влиятельными русскими политиками, учеными Грушевский старался доказать обоснованность депортации, искал поддержку для отмены любых ограничений свободы.

В. И. Вернадский, который лично познакомился с М. С. Грушевским в конце марта 1914 г., вспоминал в дневнике (записи 29 и 30 ноября 1934 г.), узнав о его смерти: «Я помню, что С. Ф. [Ольденбург] рассказывал мне, что вел[икий] кн[язь] К. К. [Константин Константинович Романов (1858–1915), президент Петербургской АН. – Сост.] был чрезвычайно огорчен, что Гр[ушевский] обманул его – ему представили «несомненные» доказательства антирусской государственной деятельности Гр[ушевского]» (Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934 гг. – М., 2001. – С. 351).

В конце апреля 1915 г. МВД разрешило Грушевскому переехать из Симбирска в Казань, где он должен был оставаться под надзором полиции. Однако профессор долго не переезжал. В августе в письме к Петру Стебницкому он писал: «Разрешение переехать из Симбирска в Казань я получил еще в конце апреля, очевидно, Вы это знаете, но то, что Казань меня не устраивает, а в Симбирске я тем временем нанял дачу на весь срок, как обычно, вот и остался здесь до конца лета... Если не дождусь освобождения из-под надзора и свободы проживания – нужно будет с окончанием месяца перебраться в Казань» (цит. по: Мельниченко В. Ю. Тарас Шевченко і Михайло Грушевський на Старому Арбаті. М: ОЛМА – Пресс, 2006. – С. 400).

3. Речь идет об Анатолии Ивановиче Савенко (1874–1922), юристе, публицисте, депутате IV Государственной Думы (входил во фракцию националистов). Основатель и председатель Партии правого порядка в Киеве (1905–1906), один из основателей Киевского клуба русских националистов (1908), с 1912 г. – председатель. В 1910–1912 гг. – гласный Киевской городской думы. В период пребывания в Киеве Добровольческой армии был фактически главой гражданской администрации в городе и во всем крае. Принимал участие в Белом движении. Эмигрировал, но потом тайно вернулся, поселился в Керчи под чужим именем.
4. В письме к академику А. А. Шахматову от 27 декабря 1915 г. М. С. Грушевский писал: «Живу нельзя сказать, чтобы хорошо. Не знаю, знаете ли Вы Казань, но с непривычки, да особенно еще с моим положением, трудно себя чувствовать сносно. Климат нездоровый, недомогаю, семья вовсе болеет, условия жизни вообще тяжелые» (цит. по: «Я никогда не выступал против России» (М. С. Грушевский и русские ученые. 1914–1916) / Публ. А. А. Варлыго // Ист. архив. – 1997. – № 4. – С. 193).
5. «Літературно-науковий вістник», журнал, основанный в 1898 г. во Львове. Издавался ежемесячно по образцу европейских

ревью («толстых журналов»). С 1898 до 1905 г. – издание НТШ. В 1906–1913 гг. выходил в двух редакциях – киевской и львовской (редактор М. Грушевский). После перерыва в издании из-за войны выходил в 1917–1919 гг. в Киеве как издание Общества вспомоществования украинской литературе, науке и искусству под редакцией А. Олесья. В 1922–1932 гг. издавался во Львове Украинским издательским союзом. В 1933–1939 гг. выходил под измененным названием «Вістник» (редактор Д. Донцов).

6. В письме к Президенту Петроградской АН великому князю Константину Константиновичу от 5 апреля 1915 г. М. С. Грушевский писал, в частности: «Рожденный в эпоху падения украинской культуры и крайнего захудания украинских народных масс, я постоянно старался содействовать культурному возрождению украинского народа, поднятию уважения к своей народности в интеллигенции и народе, но я думаю, что эта деятельность скорее заслуживает признательности, чем преследования. Практическим политиком я никогда не был, и совершенно напрасно мои противники стараются свести мою деятельность к политическим мотивам. Временами выступал я в роли публициста, высказываясь по вопросам текущей жизни, но в этих выступлениях, как и вообще в моей деятельности, не было ничего ни законопреступного, ни враждебного России – лучшим доказательством послужит то, что ни статьи мои, печатавшиеся в России, ни сборники статей, печатавшиеся за границей, не были конфискованы, допускались в России, и я не подвергался за них какому-либо преследованию. Я никогда не выступал против России и не принимал участия в каких-либо выступлениях против нее. Совершенно безосновательно противники украинского движения представляли меня каким-то австрофилом. За всю двадцатилетнюю свою профессорскую деятельность во Львове я в действительности относился очень критически к австрийскому режиму Галиции, стоял все время в резкой оппозиции к нему и избегал всяких сношений с австрийскими правительственными кругами, упорно оставался в русском подданстве (несмотря на настояния австрийских властей, требовавших, чтобы я вышел из этого подданства) и поддерживал общение с учеными учреждениями и изданиями в России, участвуя в них сам и своих слушателей стараясь вводить в близкое соприкосновение с научной деятельностью в России и с ее результатами. <...> Деятельность моя и деятельность российских украинцев, к которым я примыкал, была на виду. Руководителем украинского сепаратизма я не мог быть уже по той простой причине, что такой партии среди российских

украинцев и не было никогда. Российское украинство, к которому я примыкал, самым определенным образом отмежевывалось от всякого ирредентизма (от *irredento* – освобождение от чужого владычества – Сост.), верило, что украинский вопрос будет разрешен на русской почве и возлагало свои надежды на общее развитие в России конституционного строя, национального самоопределения и местного самоуправления» (цит. по: «Я никогда не выступал против России» ... – С. 183–184).

7. На основании императорского указа от 28 июня 1914 г. «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года», касающегося положения в России неприятельских подданных во время войны, из занятой русской армией Восточной Галичины были административно выселены «неблагонадежные» лица. Среди них – священники, учителя, профессура, врачи, адвокаты, инженеры, студенты и др. Руководитель корпуса жандармов В. Ф. Джунковский позднее вспоминал: «Вопрос о высылке меня очень заботил: я считал его весьма важным с государственной точки зрения, находя что высылка – это самообман, самоутешение, что правительство себя только успокаивает, затыкает дыру в оном месте и делает ее еще больше в другом, не учитывая при этом и такие факторы, как обвинение в произволе, увеличение числа недовольных вокруг высылаемых, вредное влияние в местах ссылки на окружающее население и т. д.» (Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2-х т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 291).
8. Согласно выводам составителей т. 3 современного собрания сочинений М. Грушевского, речь идет о статье «Камень краеугольный». Грушевский написал ее в Казани не позднее 16 декабря 1915 г., о чем, как указывают исследователи, свидетельствует дискуссия, возникшая в этот день в Государственной Думе между лидером фракции кадетов П. Милоковым и министром внутренних дел А. Хвостовым. В частности, Милоков заявил: «Я не знаю отношения правительства к украинскому вопросу, но цензурой выброшена даже умеренная статья Грушевского по вопросу об украинской школе». (Грушевский М. С. Твори: у 50 т. – К., 2005. – Т. 3. – С. 670, там же статья опубликована в украинском переводе – С. 456–461; впервые была напечатана в газете «Русские ведомости» (1916, 26 февр., № 46, С. 2). Газета «Речь», ежедневный орган кадетской партии с февраля 1906 г., выходила под таким же названием до закрытия большевиками в октябре 1917 г.

9. Лизановский Иван Николаевич (1892–1934), окончил историко-филологический факультет Львовского университета (1914), ученик М. Грушевского. В 1910–1912 гг. личный секретарь И. Франко. В 1912 г. переехал в Надднепрянскую Украину, член УПСР. В 1915 г. депортирован в Сибирь. В 1917 г. стал членом УЦР. Один из руководителей Галицко-Волинского куреня сечевых стрельцов. Входил в Комитет охраны республики. Руководитель управления прессы и информации, государственный секретарь в правительстве УНР (1919). Остался в УССР. В 1921 г. осужден по делу УПСР. Вскоре амнистирован. Работал в издательстве «Книгоспілка» и был редактором произведений И. Франко. Через десять лет снова осужден и вскоре расстрелян.
10. Скорее всего, М. С. Грушевский писал письмо накануне Рождества, то есть за неделю до 25 декабря 1915 г.
11. 15 декабря 1915 г. группа ученых во главе с В. И. Вернадским обратилась к министру внутренних дел с просьбой о переводе М. С. Грушевского под надзор полиции в Москву. Мотивируя такую просьбу, ученые, в частности, писали: «Смеем думать, что удовлетворение нашего ходатайства может оказать благоприятное влияние на успокоение тех кругов малорусского населения, которые в той или иной степени захвачены национально-просветительным движением. <...> Мы думаем, что русские государственные интересы настолько требуют того, чтобы сепаратистическим стремлениям, покровительствуемым Австрией и Германией, было противопоставлено то течение малорусской общественности, которое разрешение духовных и культурных потребностей Малороссии ищет в тесном единении с русским обществом под сенью русской государственности. Принадлежность М. С. Грушевского к этому последнему течению делает особенно желательным представление ему возможности прод олжать его научную работу; это скрепит ту связь с русской государственностью, которою дорожат малорусские руководящие круги, и подорвет почву как для агитации сепаратистов, так и для всякого враждебного единству русской семьи иноземного влияния» (ГАРФ. Ф.102.V делопроизводство, Оп. 150. 1914 г., Д. 408, Л. 56).

Так намерение профессоров смягчить судьбу Грушевского отражено в специальной информационной записке, напечатанной департаментом полиции МВД – «Записке об украинском движении в 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии», датированной 23

июня 1916 г.: «...в конце 1915 года члены Государственного совета от императорской Академии наук и императорских университетов Д. Grimm, В. Вернадский, М. Ковалевский, И. Озеров, А. Васильев и С. Ольденбург обратились к господину министру внутренних дел с письмом, в котором просили о разрешении дворянину Киевской губернии профессору М. С. Грушевскому, 48 лет, находящемуся в городе Казани, поселиться в Москве, каковая мера, по их мнению, имела бы большое моральное значение: нахождение в Москве подбодрит Грушевского на дальнейший труд и поможет ему оправиться от того нравственного настроения, которое он испытал во время своего ареста и состояния под гласным надзором в Симбирске и Казани, куда он высылался. Авторы письма доказывают, что удовлетворение их ходатайства может оказать благоприятное влияние на успокоение тех кругов малорусского населения, которые захвачены национально-просветительским движением, имеющим Грушевского в числе видных деятелей; что в этом движении надо различать два течения: австрофильское и культурно-областное, по существу, не преследующее политических целей; что Грушевский уже несколько лет тому назад отмежевался от австрофилов и перенес свою научную деятельность из Львова в Киев; что перед началом войны в статье, появившейся в VI книжке «Литературно-научкового вестника», Грушевский определенно подчеркнул отсутствие в руководящих украинских кругах России всякого тяготения в сторону Австрии, предостерегая галицких малорусов от манифестации австрийского патриотизма и заявляя, что австрийские стремления не могут найти опору в российской Украине; что русские государственные интересы настоятельно требуют, чтобы сепаратистическим стремлениям, покровительствуемым Австрией и Германией, было противопоставлено течение малорусской общественности, которое разрешение духовных и культурных потребностей Малороссии ищет в тесном единении с русским обществом под сенью русской государственности.

Однако оценка существа приведенной в пользу Грушевского защиты упомянутых ученых с точки зрения совокупности всех вышеизложенных данных, характеризующих его как создателя и интеллектуального предводителя украинской партии, исповедующей в своей политической программе социальный радикализм, вынуждает признать, что означенная защита Грушевского является преувеличенно благожелательной и, возможно, до известной степени подсказанной тем особым личным доверием, которое сумел внушить названным ученым

по отношению к себе ходатайствовавший перед ними об облегчении своей участи профессор Грушевский, успевший, очевидно, за время службы своей в австрийском университете достаточно изучить и приемы австрийской дипломатии, нередко конкурирующей с понятием австрийской хитрости. Если даже оставить в стороне отношение его к австрофилам, то все же нет решительно никаких достаточных оснований утверждать, что профессор Грушевский изменил своему революционному политическому идеалу, сводящемуся к требованиям незамедлительного введения в России федеративного государственного строя с центральным парламентом, автономией областей и областными сеймами; под словами же «сень русской государственности» гибкий ум профессора Грушевского может разуметь и ныне существующую в России созданную историческими фактами государственность, и ту, которую он, профессор, проповедует» (текст «Записки» см.: Гермайзе Й. Матеріали до історії українського руху за світової війни // Український археографічний збірник. – К., 1926. – С. С.274–354; перепеч. в кн.: «Украинская» болезнь русской нации. – М., 2002. – С. 105–171).

12. Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), председатель фракции правых IV Государственной Думы, министр внутренних дел и руководитель Отдельного корпуса жандармов (сентябрь 1915 – март 1916 г.). Арестован Временным правительством. Расстрелян в Москве большевиками в дни красного террора.
13. Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), председатель Совета министров в России (январь 1914 – январь 1916 г.), стремился проводить умеренный правый курс. В ходе Февральской революции был арестован, но вскоре освобожден. Поехал на юг. Был убит во время разбойного нападения на его дачу вблизи Сочи вместе с женой и зятем.
14. М. С. Грушевский в письмах к В. И. Вернадскому настойчиво просит похлопотать о высланном в Сибирь своем ученике Иване Николаевиче Лизановском.
15. Осенью 1915 г. большая часть российской Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией, а 23 октября (5 ноября) 1916 г. монархи этих двух стран провозгласили манифест о создании самостоятельного Польского Королевства в российской части Польши – российская власть утратила возможность влияния на польское движение. (Torogowicz W. Sprawa polska w polityce rosyjskiej, 1914–1917. – Warszawa, 1973. – 411 s.; Кондрагенко Д. П. Кадеты и польский

вопрос во время первой мировой войны (по материалам заседаний кадетского ЦК) // Рус. ист. вестник. – 2000. – Т. 3. – С. 80–90).

Взгляд того времени В.И. Вернадского на польский вопрос и русское общество см. в его набросках статьи, сделанных весной 1916 г.: Т. 1, кн. 2. – С. 209–217.

16. Можно предположить, что замысел В. И. Вернадского реализовался в статье «Украинский вопрос и русское общество», которая была завершена, по новым данным, в конце 1919 г., но впервые она была напечатана только в 1988 г. (См.: Вернадський В. І. «Українське питання і російська громадськість» / Перекл. В. С. Брюховецького // Вітчизна. – 1988. – № 6. – С. 172–177; новейшая публ. на языке оригинала: Т. 1, кн. 2. – С. 218–226; об истории написания – Там же. – С. 351–352).
17. В архиве Вернадского сохранился черновик его письма к директору Департамента полиции А. Т. Васильеву (недатированное, очевидно, начало 1917 г.). Академик напоминает, что почти год назад обращался к бывшему главе МВД Б. В. Штюмера с просьбой перевести И. Н. Лизановского в более южный регион, писал летом 1916 г. в Департамент полиции, а теперь, узнав о переводе Лизановского в Парабелу, вновь обращается с просьбой перевести его хотя бы в Симбирск, если невозможно в Малороссию. (АРАН. Ф. 518, Оп. 2. Д. 40. Л. 103-103 об).